

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО БЛОКНОТА

В ПРАГЕ нас ждал Гамлет. Мы стремились к биологам, генетикам, вирусологам, а вечер неожиданно предстояло посвятить философии. С ужасом думаю сейчас, что можно было отказаться от похода в театр и отправиться гулять по городу: в Праге бываешь не часто, а великий английский драматург хорошо знаком каждому школьнику. Удивить после фильма Козинцева, интересных работ в театрах на Таганке и имени Ленинского комсомола, согласитесь, трудно. Неизвестно, чем закончились бы раздумья, если бы не находчивая наша переводчица — студентка философского факультета Карлова университета Владимира Матускова. «Гамлет — это балет!» — сказала она. «Как?! — изумились мы. — «Быть или не быть» в па-де-труа?». «Да», — не моргнув глазом, подтвердила Владимира. Любопытство одолело нас...

В театре же — еще более. Сцена одета в черное полотно, никаких декораций, пока все малопонятно, но взору свободно. Как ни странно, столб простой замысел сцены магически действует на зал: воцаряется тишина. Как некое непредвиденное (а может быть, предвиденное?) вступление к Шекспиру. Особенная, совершенно не театральная. Она напоминает мне раздумчивую тишину читален. Строгий, суровый лик сцены не диссонирует с нарядным партнером. Их примиряют эта тишина и присутствие мысли за ней. Думаю, вряд ли кто раздумывает сейчас о судьбе шекспировского героя и событиях, которые вот-вот развернутся перед взором... Темный загадочный объем сцены тревожит, как память, как неизвестность, как ожидание...

Я не могу сказать, как Гамлет вышел на сцену. Так неподходяще это слово «вышел». Лицо Гамлета вдруг возникло из темноты, и выражение его произвело потрясающее впечатление еще до того, как была произнесена первая фраза. Духовный разлад, глубокая личная драма были так откровенны, что становилось неловко от мысли: кстати ли ты здесь сейчас. То, что это принц, пьеса в театр, напротив выпало из головы. Смеем заверить, не только из моей.

Потом, когда слово «спектакль», так мало похожее на все увиденное, тем не менее вернулось, я стал думать, когда же актер Франтишек Немец, играющий роль Гамлета, приходит в театр, как он готовится к выходу, как он вообще живет, ибо то, чему мы были свидетелями, мало походило на театр и очень походило на жизнь... Ну все это позднее. А тогда — обостренный слух, боязнь пропустить слово. Именно на это, по-моему, и рассчитывали режиссер-постановщик Мирослав Махачек, художник Йозеф Свобода, композитор Милан Свобода — сделать главным действующим лицом шекспировский текст, мысль, уберечь их от излишних театральных затей. Поэтому так просто и вместе с тем исключительно продуманно оформление сцены, костюмы. Но наиболее удачно творческую цель коллектива реализовал актер Франтишек Немец. Он нашел редкую, опять-таки исключительную интонацию для своего героя, которая лишила трагедию исторической славы, а представляла человеческую драму, по существу, вне времени: она могла иметь место у Шекспира, но не исключено, что и сегодня где-то... Его Гамлет очень современ-

ен и понятен. Никакой декламации, самолюбования, исторической архаики. Франтишек любит своего героя больше, чем себя. И вызывает поразительный интерес и сочувствие. Порою самые неожиданные. Вот он произносит знаменитое «быть или не быть»... Один маленький лучик освещает скорбную фигуру Гамлета, и темнота вокруг в этот кульминационный момент становится страшной и непреодолимой. И вдруг вопреки всем замыслам в еле теплящемся световом пространстве появляется яркий мотылек, неизвестно как залетевший сюда с улицы. Он — сама жизнь. Вьется вокруг Гамлета, порхает, и легко-

— Но как это интересно, — говорит он тут же.

Он любит счастливый случай. Собственно, он, этот случай, и привел его в Национальный театр. После окончания Академии искусств Франтишек играл в Камерном театре, театре музыкальной комедии, и вот вдруг накануне премьеры заболевает исполнитель роли Фауста в Национальном театре. Его приглашают, и в три недели приходится освоить роль. «Ну не лучшим, конечно, образом», — говорит он мне теперь. Зато появилась возможность играть Гамлета.

— Я старше своего героя. Но мне кажется, именно к сорока годам накапливается

Гамлет, Франтишек и море

мысленное его присутствие придает мрачному поиску героя вполне жизнеутверждающий смысл. Сама сцена получает гениальное философское решение, до которого никакой режиссер не додумается. Переводчица Владимира, сочинившая легенду про балет, борется за чистоту театрального жанра и шепчет мне: «Мотылька раньше не было. Он сам прилетел». Но я не верю.

Обратил внимание, что театр полон молодежи. Это заслуга Франтишека, что молодые и, как везде, весьма беспокойные люди не шелохнутся до конца спектакля и, наоборот, так же, как и я, плохо спят в эту ночь. Перед глазами блистательный финал: умирающий Гамлет падает и срывает темный занавес, за ним — уходящая ввысь крутая лестница, верхние ступени которой едва различимы. Гамлет у самого подножия этой нескончаемой лестницы познания. Спектакль одаренно выстроен, заключительный аккорд его необыкновенно силен, и театр в нем благороден и щедр: он одаривает каждого зрителя взрывом мысли и тут же отпускает — иди, думай, возможно, в твоей жизни что-то переменится.

Мы встречаемся с Франтишком в уютном актерском кафе в Национальном театре. Обаятельный, весьма подвижный и бесконечно проницательный, он долго веселится над моей версией мотылька.

— Вы серьезно думаете, что мы с режиссером его приручили? — И делает торжественное заявление, что как он сам, так и режиссер, и прочие исполнители с тем мотыльком не знакомы и в появлении его не повинны.

масса сомнений и противоречий. И мы все сродни Гамлету... В моей творческой жизни очень много вопросов, на которые я сейчас не знаю ответа. Я ничего не придумываю, выходя на сцену, я размышляю над тем, что мне самому важно. Шесть лет играю спектакль, и в интеллектуальной своей стороне он мне по-прежнему интересен, всю правду я еще не узнал...

Франтишек легко заражает своим настроением: хочется — и мы с Владимирой кольшемся от смеха, грустит — и нам не по себе.

— Я очень люблю море. Когда у меня не было профессии, я строил модели серьезных кораблей и мечтал о походах. Уже прожито много, а море и все связанное с ним по-прежнему меня волнует. Когда в жизни какие-то удачи — это просто кусочки моря, если можно так говорить... Но вот несчастье: ни Чехия, ни Словакия, ни Моравия не омываются никаким морем... — Франтишек так тяжело вздыхает, что мы с Владимирой тоже печалимся несправедливому географическому устройству.

В кафе постепенно становится шумно. До спектакля чуть больше часа. Нам пора прощаться. Франтишек уже в плену у Теннесси Уильямса, героя пьесы которого будет играть вечером. По дороге к выходу мы заглядываем в зрительный зал, где он скоро предстанет в новой постановке по Шекспиру «Генрих IV». Я желаю ему успеха. Мы дружно стучим по деревянной спинке подвернувшегося кресла, и он убегает, стремительный и уже малознакомый. Но от лифта доносится: «Гм, мотылек, как интересно...»

Через неделю, возвратившись домой, я уехал в отпуск, к морю. Еще было солнечно, многолюдно на пляже, и все этому очень громко радовались. А я однажды сказал своим соседям: «Вы знаете, ни Чехия, ни Словакия, ни Моравия не омываются никаким морем...» Те были очень удивлены. А вот Франтишек меня бы понял...

Ю. ДАНИЛИН.
(Наш спец. корр.).

Прага — Москва.

На снимке: актер Франтишек НЕМЕЦ в роли Гамлета.